

Примечания

Стр. 184, строка 22. «Рабочие», или, точнее, «работные» дома возникли в России во второй половине XVIII в. В них заключались для принудительных работ промышленявшие милостыней нищие, а также обитатели городского «дна», не имевшие определенной работы. В Москве «работный дом» был построен в 1836 г. в Б. Харитоньевском переулке, в усадьбе кн. Б. Н. Юсупова, по имени которого он и получил свое название. «Работные дома» просуществовали в России вплоть до Октябрьской революции, не меняя своих функций.

Стр. 186. Знаменитый в Москве Хитров рынок, славившийся как место пребывания и житья всякого деклассированного и уголовного люда, изобиловавший притонами и трактирами, в которых ютились воры, проститутки и просто выбитые из жизненной колеи завсегдатаи московского «дна», занимал обширный участок между улицей Соляной и Покровским бульваром. Тут было несколько ночлежных домов, в том числе в Трехсвятительском переулке, теперь Б. Вузовском, № 6, бесплатный Ляпинский дом, упоминаемый Толстым и построенный владельцами суконной фабрики братьями М. И. и Н. И. Ляпиными. В первые годы Октябрьской революции Хитров рынок закрыт. О нем подробнее см. Гор-ев, «Характеристика экономических и бытовых условий жизни безработных («Standart of life» на Хитровом рынке в Москве)». — «Мир божий», 1899, №№ 10 и 11, и В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи», М. 1926.

Стр. 190, строки 6—7. Здесь речь идет о казни посредством гильотинирования некоего Франсуа Рише, которая имела место в Париже рано утром 6 апреля 1857 г. Толстой, совершая в этом году первое свое заграничное путешествие, как раз в это время жил за границей и присутствовал на площади во время казни. В день казни он записал в своем Дневнике: «Больной, встал в 7 часов и поехал смотреть экзекуцию. Толстая, белая, здоровая шея и грудь, целовал Евангелие и потом — смерть, что за бессмыслица! Сильное и недаром прошедшее впечатление».

В гораздо более энергичных выражениях о впечатлении, произведенном на него казнью, Толстой говорит в своем письме к В. П. Боткину, написанном в тот же день. Подробнее об этом эпизоде в жизни Толстого см. во вступительной статье и в примечаниях В. Ф. Саводника к парижскому дневнику Толстого в книге «Лев Толстой. Неизданные художественные произведения», изд. «Федерация». М. 1928, стр. 284—287, 338—341.

Стр. 192, строки 24—25. Перепись в Москве происходила 23, 24 и 25 января 1882 г. Толстой принял в ней личное участие и привлек к ней своих сыновей и добровольцев-студентов. Чтобы заинтересовать москвичей делом переписи, он написал статью «О переписи в Москве», которую напечатал в № 19 газеты «Современные известия» от 20 января. Для своей работы по переписи Толстой избрал, как сам об этом говорит, один из самых ужасных притонов нищеты и разврата — т. н. «Ржановский дом», или «Ржановскую крепость». Дом этот, стоящий на углу Проточного и 1-го Смоленского переулков,^[346] № 11/27, существует и

понуе. Приблизительно до 1925—1926 г. в нем в большом количестве жили представители того же московского «дна», какие обитали тут и во время переписи 1882 г. Затем часть люда, ославившего Проточный и примыкающие к нему переулки, как один из самых небезопасных районов Москвы, была выселена из дома, часть занялась общественно-полезным трудом. О нравах и быте Проточного переулка и обитателей его домов еще в недавнее время — рассказывается в романе И. Эренбурга «В Проточном переулке», изд. «Зиф», М. 1927.

Стр. 233 и 386. В письме, написанном в 1900 годах к сотруднику Минусинского музея Лебедеву, о Сютаеве и Бондареве Толстой отзывался так: «Мое мнение то, что вся русская мысль с тех пор, как она выражается, не произвела со своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказали два мужика — Сютаев и Бондарев».[347] А в беседе с Л. С. Пругавиным Толстой следующим образом расценивал влияние на себя Сютаева и Бондарева: «Знаете, что я вам скажу? Двум русским мужикам, простым, чуть грамотным мужикам, я обязан более, чем всем ученым и писателям всего мира». Специально же о Бондареве он сказал: «Бондарев превосходно, гениально... да, да, гениально доказал, что земледельческий труд должен быть нравственной обязанностью каждого человека. И я вполне убежден в том, что со временем эта обязанность действительно станет моральным, религиозным законом, которым будут руководствоваться все люди».[348]

Василий Кириллович Сютаев, крестьянин деревни Шевелино Новоторжского уезда Тверской губ., по ремеслу каменщик, родился около 1820 г. Будучи вначале усердным последователем православной веры, он в пожилом возрасте отошел от православия в результате усиленного чтения (по складам) книг «священного писания», преимущественно Нового завета. Читаное он понимал и толковал не буквально, а «духовно». Он отрицал церковь, обрядность, проповедывал братство, любовь, восставал против собственности, в том числе и земельной, и всяких видов насилия, даже как средства противления злу. Принципиально отказываясь от платежа податей, так как они идут на содержание войска, он вместе с тем не оказывал никакого сопротивления, когда полиция описывала его имущество и продавала скот. Не умея писать, Сютаев свои мысли мог распространить только устно. Вокруг него сорганизовалась небольшая и непрочная группа последователей, известных под именем «сютаевцев». Примером личной жизни и устройством своего семейного быта Сютаев старался на практике осуществлять свое учение. Младший сын его, отказавшийся по религиозным убеждениям от военной службы, несколько лет просидел в Шлиссельбургской крепости. Умер Сютаев в 1892 г., около 73 лет от роду, в то время как он усиленно подготавливался к практическому осуществлению своей давней мечты — организации земельной общины.

Впервые услышал Толстой о Сютаеве летом 1881 г. от А. С. Пругавина. Осенью того же года, живя у своих знакомых Бакуниных в Новоторжском уезде, он отправился к Сютаеву в его деревню, отстоявшую верстах в семи от имения Бакуниных. Так состоялось первое их знакомство, после которого Толстой записал в своем дневнике: «Был в Торжке у Сютаева. Утешение». В ноябре своему другу В. И. Алексееву Толстой писал: «Еще был я у Сютаева, тоже христианина, и на деле». И далее он сообщает, что с Сютаевым он единомышленник «во всем, до малейших подробностей». (Т. 63, стр. 81.)

В конце января 1882 г. Сютаев приехал к Толстому в Москву и поселился на его квартире в Денежном переулке. Здесь внимательно слушали его речи не только сам Толстой, и его семья, но и многие представители аристократического общества, бывавшие в доме Толстых. Выступал часто Сютаев со своей проповедью и в других домах, так что о нем стали усиленно говорить в Москве, тем более что об его учении стали писать в газетах с 1880 г., а затем о нем писал А. С. Пругавин в «Русской мысли», в статье «Алчущие и жаждущие правды» (1881 г., №№ 10 и 12, 1882 г., № 1). Насколько сам Толстой в ту пору захвачен был тем, что он слышал от Сютаева, свидетельствуют его письма к жене и в особенности следующие строки известного письма его к М. А. Энгельгардту конца 1882 — начала 1883 гг.: «Вы, верно, знаете про Сютаева. Вот вам безграмотный мужик, — а его влияние на людей, на нашу интеллигенцию больше и значительнее, чем всех русских ученых и писателей со всеми Пушкиными, Белинскими вместе взятыми, начиная от Тредьяковского и до нашего времени» (Т. 63, стр. 122.)

Успех проповеди Сютаева обратил на себя внимание московских властей, и к Толстому на квартиру, по распоряжению генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукого, за справками о личности подозрительного проповедника явился сначала жандармский ротмистр, а затем чиновник генерал-губернаторской канцелярии. Толстой обоих их, в особенности первого, принял очень резко и в какие бы то ни было объяснения с ними вступать отказался. Дальнейшего продолжения эта история не имела, так как вскоре после этого Сютаев уехал из Москвы. Расставшись с ним, Толстой на всю жизнь сохранил о нем самое преданное воспоминание, о чем свидетельствуют записи 1908—1909 гг. Н. Н. Гусева и Христо Досева. (Подробнее о Сютаеве и об отношениях к нему Толстого см. в книге А. С. Пругавина «Сютаевцы». М. 1910, в книге Ильи Толстого «Мои воспоминания», изд. 2-е кооперативного издательства «Мир», М. 1933, стр. 162—164, и в особенности в статье К. С. Шохор-Троцкого «Сютаев и Бондарев». — «Толстовский ежегодник 1913 года», Спб. 1914, стр. 3—12. Здесь и исчерпывающая литература вопроса.)

Тимофей Михайлович Бондарев родился в 1820 г. в Области войска Донского, в крепостной крестьянской семье. Многообразные жестокости крепостного права, испытанные им, завершились тем, что на 37-м году жизни, будучи отцом пятерых детей, он отдан был помещиком в солдаты. Через десять лет, под влиянием секты субботников, он перешел в иудейство, подвергся обряду обрезания и стал именоваться Давидом Абрамовичем. За это в 1867 г. был сослан на поселение в деревню Иудино Минусинского уезда Енисейской губ., где прожил с женой и двумя детьми до конца жизни. Там он усиленным земледельческим трудом нажил себе домик и хозяйство, так что мог существовать безбедно. Считая земледельческий труд первородным законом, данным человеку, и полагая, что все бедствия человеческие происходят от неисполнения этого закона, Бондарев с убежденностью и страстностью стал проповедовать спасительность для людей этого труда. В течение пяти лет писал он первое свое сочинение, посвященное пропаганде своих идей и озаглавленное им «Торжество земледельца, или трудолюбие и тунеядство». По окончании этой работы он отправил рукопись в Минусинский музей, откуда она, вероятно в копии, переслана была Глебу Успенскому, написавшему о ней статью «Трудами рук своих», напечатанную в № 11 «Русской мысли» за 1889 г. Познакомившись с этой статьей, Толстой сильно заинтересовался личностью Бондарева и его учением и через сотрудников Минусинского музея В. Лебедева и Л. Жебунева вступил с ним в переписку. Получив рукопись сочинения

Бондарева, Толстой старался напечатать ее со своим предисловием, но на первых порах безуспешно. Отрывки из этого сочинения вместе с предисловием Толстого напечатаны были в №№ 12 и 13 газеты С. Ф. Шарапова «Русское дело» за 1888 г., причем газета получила за напечатание статьи второе предупреждение. В 1890 г. книжка Бондарева с предисловием Толстого напечатана была во французском переводе в Париже. В 1906 г. извлечения из сочинения Бондарева в сопровождении заметки Толстого о Бондареве, написанной в 1895 г. и напечатанной впервые в 1897 г. Венгеровым в V томе его «Критико-библиографического словаря», были напечатаны в издательстве «Посредник», но в 1908 г. книжка была конфискована и судебным постановлением изъята из продажи. Уцелевшие экземпляры, вновь поступившие в продажу в марте 1917 г., быстро распространились среди крестьянского населения.

Помимо этого труда, от Бондарева сохранился еще ряд рукописных сочинений, перечень которых см. в указанной статье К. С. Шохор-Троцкого «Сютаев и Бондарев». Там же — собственноручно составленная Бондаревым надпись для своего памятника, письмо Бондарева к Д. П. Маковицкому, письма к Бондареву Толстого и литература вопроса. Умер Бондарев в октябре 1898 г.

Переписку с Бондаревым Толстой спорадически поддерживал до самой смерти Бондарева, а думал о нем и его учении и после его смерти. Так, записывая 2 апреля 1906 г. в дневник свои мысли о том, что земледельческий труд есть самый главный и самый разумный, он заканчивает запись таким восклицанием: «Как прав Бондарев!»

Стр. 233, строка 22. Речь идет об единственной сестре Толстого Марии Николаевне Толстой (1830—1912), впоследствии монахини Шамардинского монастыря.

Стр. 243, строки 30—31. Штиглицы, Дервизы, Морозовы, Демидовы, Юсуповы — крупнейшие петербургские и московские богачи, миллионеры. Особенной известностью в ту пору пользовались: Александр Людвигович Штиглиц, банкир и владелец мануфактурных фабрик, Павел Григорьевич фон-Дервиз — концессионер и строитель железных дорог, сыновья Саввы Васильевича Морозова, владельцы крупных мануфактурных фабрик, Павел Павлович Демидов, князь Сан-Донато, владелец горных заводов на Урале, потомок московского вельможи Б. Н. Юсупова.

Стр. 256, строки 14—15. Речь идет о статье И. И. Янжула «Влияние финансовых учреждений на экономическое положение первобытных народов (Страница из истории островов Фиджи)», напечатанной в книге «XXV лет». 1859—1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Спб. 1884, стр. 562—586. Книга эта была в Яснополянской библиотеке Толстого. Статья Янжула здесь в нескольких местах отчеркнута карандашом.

Стр. 299, строки 1—9. Речь идет об Александре Петровиче Иванове, бывшем артиллерийском офицере, работавшем у Толстого в качестве переписчика.

Стр. 302, строки 2—3. Толстой жил в ту пору в собственном доме по Долго-Хамовническому переулку. Теперь этот дом превращен в музей, а переулок переименован в улицу Толстого.

Стр. 309, строка 16. Петровки — праздник Петра и Павла, приходящийся на 29 июня. Православная церковь перед этим праздником установила пост.

В Дневнике Толстого, в записи от 3 июля читаем: «Пошел на покос. Косили и копнили, и опять косили. Очень устал. «Тимофей, голубчик, загони мою корову: у меня ребенок». Он — пустой, недобрый малый — умирался, и всё-таки бежит. Вот условия нравственные. «Анютка, беги, милая, загони овец». И семилетняя девченка летит босиком по скошенной траве. Вот условия. «Мальчик, принеси кружку напитаться». Летит 5-тилетний и в минуту приносит. И пошел и сделал».

Стр. 333. Речь идет о сочинении Т. -Р. Мальтуса (1766—1834) «Essay on the Principle of Population», изданном впервые в 1798 г. Книга эта под заглавием «Опыт о законе народонаселения» вышла в русском переводе П. Бибикова в 1868 г.

Стр. 341—342. Толстой здесь имеет в виду сочинение Г. Спенсера «Social statics», 1850 г. («Социальная статика»).

Стр. 352, строка 19. Константин Великий, византийский император (ум. в 337 г.), утвердил в Византии гонимое до тех пор христианство как официальную господствующую религию. Духовенство освобождено было от налогов и получало содержание от казны. Вскоре оно получило ряд экономических и юридических привилегий и стало играть заметную политическую роль в жизни государства.

Стр. 358, строка 1. Никольская улица в Москве с середины 1870 г. стала центром, наводнявшим всю Россию очень низкопробной лубочной литературой, а также лубочными картинками такого же качества. Для противодействия литературе Никольской улицы возникло в 1885 г. издательство «Посредник», в судьбах которого Толстой принимал очень большое участие.

Стр. 387, строка 13. О Блохине почти сходно с этим местом Толстой говорит и в Дневнике 1884 г. (запись от 23 июня). О нем же идет речь в шуточном «Скорбном листе душевно-больных яснополянского госпиталю», предназначенном Толстым для «Почтового ящика» (см.). В письме к жене от 5 мая 1887 г. Толстой пишет: «Посетили меня за это время, кроме мужиков, кн. Блохин» («ПЖ», стр. 319). В том же году, в июле, Толстой писал И. Б. Фейнерману: «Блохин всё ходит» («Письма Л. Н. Толстого, 1848—1910 гг., собр. и ред. П. А. Сергеенко, М. 1910, стр. 159).

Стр. 391, строка 11. В начале 1880-х годов в России было несколько земледельческих общин, организованных представителями интеллигенции, участвовавшими в них своим личным трудом. Такова известная Буковская община А. Н. Энгельгардта в Смоленской губ., просуществовавшая приблизительно до 1884 года. Далее — община на Кавказе близ поста Лазаревского, между Туапсе и Сочи. Толстой имеет в виду, очевидно, одну из этих двух общин. (О них см. статью В. Скороходова «Из воспоминаний старого общинника» в журнале «Минувшие годы», 1908, №№2, 3, 4.

Стр. 404, строки 22—23. Евгений Скайлер — путешественник-англичанин, впервые навестивший Толстого в Ясной поляне в 1868 г. Его воспоминания о знакомстве с Толстым

напечатаны в переводе с английского в «Русской старине», 1890, №№ 9 и 10. Передаваемый Толстым рассказ о поведении киргиз сообщен был ему Скайлером, видимо, в устной беседе.

Стр. 614, строки 4—8. Эпиграф к статье представляет соединение двух евангельских стихов, приведенных Толстым, видимо, по памяти и потому с ошибками и пропусками. Во втором стихе забытые слова заменены точками. Стихи эти в Евангелии от Матфея читаются так: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе человеку, через которого соблазн приходит... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (XVIII, 7, 9). С некоторыми вариациями эти стихи читаются и в Евангелиях от Луки, XVII, 1 (первый стих) и от Марка, IX, 47 (второй стих).

Стр. 622, строка 46. «Юный прокурор», которому Толстой читал статью «О переписи в Москве», — Н. В. Давыдов, тогда прокурор Тульского окружного суда.

Стр. 623, строки 4—6. «Молодой даровитый писатель самого либерального, народного направления» — вероятно, И. И. Янжул, уже в ту пору солидный экономист. С ним Толстой познакомился как раз в связи с московской переписью 1882 г. (См. Ак. И. Янжул. «Мое знакомство с Толстым» — «Международный толстовский альманах», составленный П. Сергеенко. М. 1909, стр. 407 и след.).

Стр. 623, строки 24—25. Редактор газеты — очевидно, Н. П. Гиляров-Платонов, редактор «Современных известий», где была напечатана статья «О переписи в Москве».

Стр. 624, строки 7—8. Здесь имеется в виду евангельский рассказ о самарянине, который, встретив израненного и ограбленного разбойниками еврея, мимо которого равнодушно прошли священники и левит (служитель храма) перевязал ему раны, посадил на осла, привез его в город и позаботился о его лечении (Евангелие от Луки, XI, 30—35). Евреи были во вражде с самарянами и не общались с ними.

Стр. 624, строка 8. «Не судите и не присуждайте» — из Евангелия от Матфея, VII, 1. Все заповеди, приведенные здесь после слова «сказано» взяты из «Нагорной проповеди» (Евангелие от Матфея, V, 40, 84, 28—29, 42).

Версия #1

Зверобой создал 28 марта 2025 09:00:46

Зверобой обновил 28 марта 2025 09:01:12